

Чиновники из Академии Ханьлинь снова взвыли от тоски. Посторонним всегда казалось, будто их ведомство — тихая и праздная обитель. Должно быть, потому, что всякий, кто приходил сюда по делам, неизменно заставлял почтенных господ — от ученых мужей второго ранга до скромных составителей седьмого — либо уткнувшимися в книги, либо спешащими за очередным томом.

— Раз уж они от безделья только и делают, что читают, разве это не легкая служба?

Составитель седьмого ранга Тан Шэнь с удовольствием плюнул бы такому знатоку прямо в лицо:

— Тьфу на тебя!

Если считать чтение книг и сочинительство легкой работой, то служба здесь и впрямь казалась безмятежной — именно этим в Академии Ханьлинь и занимались с утра до вечера. Но каково писать изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год? Кто такое выдержит? Ладно еще Яо Шань и Ван Сяо — они родились в это время, десятилетиями прилежно учились и давно привыкли. У Тан Шэня же от этого голова пухла!

Каждый божий день писать сочинения!

Едва открыв глаза, он начинал прикидывать, сколько эссе нужно набросать сегодня; за едой размышлял, сколько еще осталось закончить; а вечером, возвращаясь со службы, перед самым сном обреченно думал о том, сколько писать завтра.

Тан Шэню тоже приходилось несладко!

А уж перед днем рождения императора и вовсе начался суший кошмар.

День рождения императора Великой Сун Чжао Фу, правившего под девизом Кайпин, приходился на седьмой день десятого месяца. Но уже в начале девятого месяца в Академии Ханьлинь закипела работа — все без устали сочиняли поздравительные оды с пожеланиями благоденствия. Яо Шань под началом Ученого Яна приводил в порядок записи о делах государя за прошедший год, чтобы после тщательной проверки составить из них хронологический сборник. Ван Сяо и Тан Шэня же приставили к написанию славословий — исключительно хвалебных и просительных текстов.

Сколько бы изящных и цветистых фраз они ни выводили, император просматривал от силы несколько свитков. Все остальные благополучно сжигали, благочестиво называя это «вознесением молитв к небесам».

За отбор тех немногих текстов, удостоенных императорского взора, отвечал Ученый Ян — великий ученый второго ранга из Академии Ханьлинь.

С этим Ученым Яном у Тан Шэня была связана одна примечательная история.

В свое время на провинциальном экзамене Тан Шэнь едва ли мог рассчитывать на звание Яюаня: его сочинение-багу в первом туре хоть и было написано гладко, но ничем особо не выделялось. Однако во втором туре Ученый Ян наткнулся на ответы Тан Шэня на пять вопросов по «Чжоу и». Труд молодого человека так восхитил Ученого Яна, что тот едва не присудил ему звание Цзеюаня. И все же, стремясь оставаться беспристрастным и понимая, что в первом туре Тан Шэнь уступал другим кандидатам, ученый муж присудил ему второе место — звание Яюаня.

Поступив на службу в Академию Ханьлинь, Тан Шэнь долго не имел возможности повидаться с великими учеными. Самыми высокими чинами, с которыми он сталкивался, обычно были чиновники пятого ранга.

Проведав, что на следующий день Ученый Ян лично посетит их ведомство, Тан Шэнь весь вечер провел в глубоких раздумьях. Он достал «Чжоу и» и перечитал книгу от корки до корки с предельным вниманием.

За все то время, что он провел в Академии Ханьлинь, Тан Шэнь успел заметить: о страсти Ученого Яна к «Чжоу и», кроме него самого, не догадывался вообще никто!

— Эх, Ван Цзыфэн, Ван Цзыфэн!..

Тан Шэнь тихонько повторял имя старшего соученика, чувствуя, что не знает, смеяться ему или плакать.

Три месяца назад Тан Шэнь переехал в поместье Таньхуа. Его новое жилище и впрямь находилось совсем близко к резиденции министра — их разделяли всего два переулка. Отложив в тот вечер «Чжоу и», Тан Шэнь немного подумал, взял книгу и отправился к Ван Чжэню. Привратник, едва завидев гостя, почтительно распахнул перед ним двери. Поскольку хозяин был дома, Тан Шэнь не стал дожидаться его в гостиной, а сразу прошел в кабинет.

Ван Чжэнь лежал в кресле-качалке и при свете свечи неторопливо читал книгу.

Войдя, Тан Шэнь поздоровался:

— Шисюн Цзыфэн.

Ван Чжэнь выглянул из-за книги с притворным удивлением:

— Младший брат, какими судьбами сегодня?

Тан Шэнь соврал не моргнув и глазом:

— Читал тут давеча и наткнулся на неясное место. Понял, что еще не поздно, вот и решил зайти к шисюну за разъяснениями.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на него, отложил книгу и мягко улыбнулся:

— Неужели и впрямь за разъяснениями?

Тан Шэнь на мгновение задумался и на этот раз решил сказать правду:

— Соскучился по шисюну.

Ван Чжэнь улыбнулся еще теплее и протянул руку:

— Что за книга?

Тан Шэнь мысленно усмехнулся: «В ложь ты не поверил, а теперь и в правду не веришь! Ван Цзыфэн, горе от ума — вот уж точно про тебя, перехитрил сам себя!»

Этот визит в резиденцию министра действительно был спонтанным порывом. С тех пор как Тан Шэнь поступил на службу в Академию Ханьлинь, братья по обучению виделись гораздо реже,

да и времени вместе проводили совсем немного. Тан Шэнь оставался лишь мелкой сошкой седьмого ранга, и в чиновничьей среде их пути с Ван Чжэнем почти не пересекались. Лишь изредка после службы они могли случайно встретиться.

Сегодня, вспомнив подсказку Ван Чжэня о том, что Ученый Ян благоволит к «Чжоу и», Тан Шэнь сам не понял, почему вдруг захотел навестить шисюна.

Ван Чжэнь, само собой, не поверил признанию в тоске, но когда Тан Шэнь протянул ему «Чжоу и», он слегка опешил. Помолчав немного, он спросил:

— В Академии Ханьлинь сейчас составляют славословия для государя?

Тан Шэнь даже не сразу сообразил, откуда шисюну это известно, но, взглянув на «Чжоу и» в его руках, внутренне содрогнулся. По одной только книге Ван Цзыфэн сумел выстроить такую цепочку умозаключений? Да он просто дьявол во плоти!

Немного подумав, Тан Шэнь не стал отпираться:

— Да.

В конце концов, если Ван Чжэнь захочет узнать, он и без того все выяснит.

Ван Чжэнь долго молчал, прежде чем негромко произнести:

— А младший брат и впрямь соскучился по мне.

Тан Шэнь удивленно поднял взгляд. В неверном колеблющемся свете свечи Ван Чжэнь тихо улыбался, и от него исходило редкое для него тепло и умиротворение.

В это мгновение Тан Шэнь впервые почувствовал, что они с Ван Цзыфэном по-настоящему сблизились и стали настоящими друзьями.

С «Чжоу и» в руках соученики проговорили до самого рассвета при свечах.

На следующий день Тан Шэнь явился в Академию Ханьлинь. В полдень, как и ожидалось, пришел Ученый Ян.

Ян Ци сел во главе стола и окинул взглядом собравшихся чиновников.

— Уважаемые коллеги, — неторопливо заговорил он. — Через несколько дней наступит день рождения Его Величества. Академия Ханьлинь трудилась целый месяц, и пришло время подвести итоги. Каждый год к празднику я отбираю три сочинения для поднесения императору, и этот год не станет исключением. Все ли подготовили по одному тексту?

Собравшиеся хором ответили:

— Все готово!

Ян Ци удовлетворенно кивнул:

— В таком случае несите их сюда.

Служители спустились с возвышения и поочередно собрали листы. Тан Шэнь передал свое сочинение. Ученый Ян забрал бумаги и, не проронив ни слова, удалился.

Яо Шань не должен был писать славословия. Из троих лучших выпускников последнего дворцового экзамена эта обязанность легла только на Ван Сяо и Тан Шэня.

Ван Сяо со вздохом обратился к Тан Шэню:

— Интересно, каков будет исход. Цзинцзэ, ты уверен в своих силах?

Тан Шэнь ответил:

— Я всегда считал так: человек предполагает, а Небо располагает.

Ван Сяо кивнул:

— Верно. Нам остается лишь усердно исполнять свой долг.

На следующий день Ученый Ян так и не объявил, какие именно три сочинения отобрал для императора. А четвертого числа десятого месяца Тан Шэня внезапно вызвали для оглашения указа. Чиновник пятого ранга из Приказа чинов с приветливой улыбкой вошел в Академию Ханьлинь и во всеуслышание зачитал указ:

— Наше веление: Мы, волею Небес правящие Поднебесной, объявляем: Тан Шэнь, составитель из Академии Ханьлинь, выказал скромность, учтивость и усердие в делах, а слог его отличается изяществом и ясностью. Сим жалуем ему повышение до цидзюйшэжэня шестого ранга. К исполнению обязанностей приступить десятого числа сего месяца. Повеление сие исполнить. Десятый месяц двадцать седьмого года эры Кайпин.

В кабинете все так и замерли от изумления. Тан Шэнь стоял с низко склоненной головой. Его лицо оставалось бесстрастным, однако высоко поднятые руки, принимавшие свиток с указом, слегка дрожали, выдавая глубокое волнение.

В то же самое время еще один указ доставили в Академию Ханьлинь, но уже в соседнее крыло. Принимавший его Яо Шань высоко поднял руки, не в силах скрыть радостной улыбки: его повысили до цидзюйлана пятого ранга.

Цидзюйланов и цидзюйшэжэней величали «придворными историографами государя». Они отвечали за подробное описание каждого шага правителя и вели «Записи о жизни и деяниях». Беседы императора с министрами, поданные доклады, случайные мудрые изречения владыки — все это ложилось на бумагу рукой цидзюйланов и цидзюйшэжэней.

В нынешней династии эти должности занимали три цидзюйлана и двенадцать цидзюйшэжэней. Как правило, подле государя неотлучно должны были находиться двое из них.

Состав цидзюйланов обновлялся ежегодно: каждый победитель дворцового экзамена, получивший звание чжуаньюаня, рано или поздно занимал этот пост — вопрос был лишь во времени. И когда такой триумфатор покидал службу при дворе и слагал полномочия цидзюйлана, это знаменовало начало его стремительного продвижения и особого доверия со стороны государя. Что же касается цидзюйшэжэней, тут все обстояло куда проще: они сменялись чаще, и строгих требований к кандидатам не предъявлялось.

Все прекрасно знали, что Яо Шаня рано или поздно назначат цидзюйланом, но никто и помыслить не мог, что вместе с ним продвижение получит и Тан Шэнь!

Чиновники Академии Ханьлинь гурьбой повалили поздравлять счастливиц. Лишь Ван Сяо

стоял с потерянным видом, не в силах вымолвить ни слова. Наконец он справился с собой, сложил ладони и поклонился Тан Шэню:

— Цзинцзэ, поздравляю от всей души.

Тан Шэнь пристально посмотрел на него и ответил:

— Благодарю, брат Дайюэ.

На душе у Ван Сяо было горько. Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но так и не смог выдать ни слова.

Тан Шэнь успел обзавестись в Академии Ханьлинь неплохими связями. Во-первых, он был совсем молод, а большинство здешних ученых мужей разменяли уже не первый десяток лет и относились к нему с дедушкиной теплотой. Во-вторых, за его спиной стоял могущественный покровитель!

<http://bllate.org/book/18292/1754527>